

Наши интервью



стистки СССР всех обрадовало, но никого не удивило — это как бы носилось в воздухе, это, поистине, подкасывало жизнь, общественной оценкой роли Сесилии Такайшвили в грузинском советском театре. Давно уже стали тривиальными заметки «с-квартиры награжденных». Да, конечно, телефонные звонки то и дело прерывают наш разговор... Да, конечно, приходят друзья, родные и читатели... И, конечно, в ответ звучит «спасибо, спасибо». Но главное, все же, в другом — актриса окрылена этим признанием, и высокая оценка ее жизни в искусстве дает толчок как бы «второму дыханию» ее мастерства и таланта.

Впрочем, она никогда и не

как и тот, кто видит ее на сцене, в фильме, на эстраде, меньше всего откажет ей в уверенности, в спокойствии. Но сама она говорит другое: «Каждая роль стоит мне полжизни».

Только сама актриса знает, какие силы нужны ей, чтобы из относительного спокойствия кулис войти вдруг — как в воду броситься — в абсолютную тишину сцены и зрительного зала, неизменно, впрочем, встречающего ее теплом своего коллективного сердца. С волнением сопряжен каждый выход.

Но главные переживания — в процессе работы, «в подготовительном периоде». «Делать роль чрезвычайно трудно», — говорит актриса. Дело здесь в той цели, которую ставят перед собой актер или актриса. Можно сыграть средненько, и остаться довольным собой, можно сыграть хорошо и все же не почувствовать удовлетворе-

шенство это, должно быть, и есть абсолютная истина искусства, и к нему можно приблизиться, но не достичь. «Я все время переживаю, все время волнуюсь, каждая роль для меня — трагедия, и все мне кажется, что я делаю не так, как лучше».

Сила Сесилии Такайшвили-актрисы — в реализме создаваемых ею образов. «Реализм на сцене может сделать чудо. Этому учил нас Марджанов. Я все время стараюсь быть реальной. Так, чтобы я не обратила на себя внимания, не отличалась от обыкновенного человека, если вдруг в костюме и гриме пройду по улице». Пусть никто не поймет эти слова как апологию натурализма. Но Сесилия Такайшвили, действительно, больше всего любит играть и играет — сочно, достоверно, те образы, которые можно лепить, опираясь на собственный жизненный опыт и жизненные наблюдения. Но список ролей, которые она считает наиболее удачными, тем не менее открывает королеву Елизавету английскую из драмы Шиллера «Мария Стюарт». Быть может, потому, что это была роль, для нее необычная. Но и здесь она осталась верна своим творческим принципам, и поиски образа королевы Елизаветы начала с того, что ей было ближе. «Я должна была искать сходство с ней, и единственное, что мне помогло, — шутит актриса, — мой большой лоб. С этого я и начала думать о роли».

Вторая любимая роль — это бабушка в спектакле театра имени Марджанишвили «Я, бабушка, Илико и Илларион». (пьеса Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе). «Я очень много работала. Здесь должны были быть совсем другие краски. Это глубоко национальный образ «всеобщей бабушки». И знаете, что было труднее всего? Смерть. Я делала на сцене, кажется, все, но никогда не умирала. Это был первый случай».

Сесилия Такайшвили сыграла около восьмидесяти ролей в театре и около десяти в кино. Зрители помнят: смерть бабушки потрясала и на сцене, и в фильме.

К числу любимых ролей актрисы относятся кормилица в «Ромео и Джульетте» Шекспира, Ева, деревенская женщина, в пьесе В. Габескирия «У пропавших», Гвиритиня в «Свадьбе колхозника» П. Какабадзе. В кино же — Васаси в фильме «Наш двор» и еще одна бабушка — в «Манане».

Сейчас актриса готовит роль Исахар в «Измене».

«Я пришла в театральное искусство при Марджанишвили. И я бы хотела, чтобы молодые актеры умели работать и любили бы театр так же, как старые актеры, которые подняли грузинский театр на большую высоту. Хочу, чтобы каждый спектакль был праздником для актеров и для зрителей». Этим пожеланием актрисы и закончилась наша встреча.

С. ГВЕЛЕСИАНИ.

СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ

Сесилия Такайшвили — народная артистка СССР

Проявилась тут интуиция фотокорреспондента или помог случай — снимок все равно символичен. В руках актрисы, отметившей свое шестидесятилетие и сорокалетие сценической деятельности, — журнал, на обложке которого шрифтом, не оставляющим места для сомнений, напечатано одно слово: «Юность». И именно это слово (ему равноценно еще одно — молодость) с предельной точностью передает состояние актрисы, в душе которой продолжает, как говорили в старину, пылать творческий огонь, под которым надо, видимо, понимать внутреннюю готовность человека-творца, бу-

дет это человек искусства, науки или физического труда, — все равно, видеть, воспринимать и воплощать даже неожиданно новое — характер, идею, деталь...

Журнал, обращенный к сегодняшнему и завтрашнему миру, и лицо актрисы, размышляющей... О чем?

Бывает, что и очень большой талант не получает единодушного признания. В случае с Сесилией Такайшвили это, кажется, исключено. Ее фамилия в театральной или кинопрограмме неизменно действует, как сила притяжения. Потому, должно быть, присвоение ей звания народной ар-

тиски СССР всех обрадовало, но никого не удивило — это как бы носилось в воздухе, это, поистине, подкасывало жизнь, общественной оценкой роли Сесилии Такайшвили в грузинском советском театре. Давно уже стали тривиальными заметки «с-квартиры награжденных». Да, конечно, телефонные звонки то и дело прерывают наш разговор... Да, конечно, приходят друзья, родные и читатели... И, конечно, в ответ звучит «спасибо, спасибо». Но главное, все же, в другом — актриса окрылена этим признанием, и высокая оценка ее жизни в искусстве дает толчок как бы «второму дыханию» ее мастерства и таланта.

Впрочем, она никогда и не

как и тот, кто видит ее на сцене, в фильме, на эстраде, меньше всего откажет ей в уверенности, в спокойствии. Но сама она говорит другое: «Каждая роль стоит мне полжизни».

Только сама актриса знает, какие силы нужны ей, чтобы из относительного спокойствия кулис войти вдруг — как в воду броситься — в абсолютную тишину сцены и зрительного зала, неизменно, впрочем, встречающего ее теплом своего коллективного сердца. С волнением сопряжен каждый выход.

Но главные переживания — в процессе работы, «в подготовительном периоде». «Делать роль чрезвычайно трудно», — говорит актриса. Дело здесь в той цели, которую ставят перед собой актер или актриса. Можно сыграть средненько, и остаться довольным собой, можно сыграть хорошо и все же не почувствовать удовлетворе-

ния, ибо в пятибалльной системе имеется еще более высокая отметка — отлично. Но, между прочим, и получив высший балл, умный и чуткий актер каким-то шестым чувством угадывает, что и это не предел, и страдает от мысли, что ускользает от него совершенство, хотя и знает, что совер-

шил ошибку, и знает, что совер-